

КиноБест

АЛЕКСАНДР
ДАГАН

ЛУЧШЕ, ЧЕМ ЛЮДИ

МОСКВА
2019

УДК 821.161.1-31
ББК 84(2Рос=Рус)6-44
Д14

Художественное оформление серии *К. Гусарева*

Иллюстрация на обложку предоставлена ООО «Старт Студио»

© АО «ВБД Групп», ООО «Старт Студио»,
ООО «Спутник Восток Продакшн»

В оформлении обложки использована иллюстрация:
© Supphachai Salaeman / Shutterstock.com
Используется по лицензии от Shutterstock.com

Даган, Александр.
Д14 Лучше, чем люди / Александр Даган. — Москва : Эксмо, 2019. —
320 с.

ISBN 978-5-04-101746-0

Всё большую роль в нашем мире начинают играть роботы, внедряясь буквально во все сферы жизни. Главным преимуществом людей теперь являются не профессиональные успехи, а умение чувствовать, способность принимать решение по ситуации. Но что случится, если однажды появится робот, способный на то же? Ариса такова, она сама выбрала себе семью и пойдет на всё, чтобы защитить своих людей.

УДК 821.161.1-31
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

ISBN 978-5-04-101746-0

© Даган А., текст, 2019
© АО «ВБД Групп», ООО «Старт Студио»,
ООО «Спутник Восток Продакшн»
© Оформление.
ООО «Издательство «Эксмо», 2019

Пролог

Продавец нервничал. Его не устраивало все. И предмет сделки. И время, выбранное для ее проведения. И конечно же, место — пустой, угрюмый и, судя по всему, давным-давно не использующийся пакгауз, затерянный в самом дальнем углу огромного Шанхайского порта. Но больше всего Продавца нервировал Посредник. Худощавый мужчина с лицом столь же непроницаемым, как и защищенный от всех видов сканирования контейнер, в котором находился предмет сделки. Ни сопровождавшие Посредника автоматчики, ни оставшиеся за пределами пакгауза подкупленные полицейские не могли служить объяснением того тихого ужаса, который вселял в Продавца этот партнер по бизнесу. «Ну, зачем? Зачем я в это ввязался?!» — в который раз мысленно простонал Продавец, наблюдая за тем, как Посредник с бесстрастным видом слушает отчет изучившего товар Эксперта. «Меня же убьют. Стукнут по голове и столкнут с пирса. Просто чтобы не болтал. И этого тоже...» Продавец с горечью взглянул на Эксперта — вероятнее всего, такого же ученого-умника, как и он сам. Впрочем, не совсем. Эксперт предоставлял свои услуги Посреднику, чтобы заработать. А Продавец, по сути, и продавцом-то не был. Просто выполнял волю покойного Учителя. Поэтому похитил со склада Корпорации его последнюю работу и предложил ее тому русскому на выставке в Гонконге. Кто же мог догадаться, что русский поручит проведение сделки Посреднику, который вынудит верного ученика оказаться сегодня ночью в этом страшном пакгаузе.

Б-БИП!!! — пронзительный звук наручного коммуникатора прервал скорбные размышления Продавца. Он машинально поднял руку и увидел высветившееся на запястье банковское уведомление — сумму и номер счета на предъявителя. Посредник выполнил условия сделки.

— И что дальше? — осторожно поинтересовался Продавец.

— Вас проводят, — лишенным каких-либо эмоций голосом отзывался Посредник. Отвернулся и в сопровождении Эксперта направился прочь со склада. Следом за ними под присмотром автоматчиков покатился самоходный контейнер с проданной в Россию последней работой Учителя. Прошло несколько минут. Со стороны пирса донесся удаляющийся гул мощных лодочных моторов. Потом все опять стихло. Продавец остался один. В безопасности. И снова почувствовал себя не продавцом, а ученым.

Глава первая

ВСТАВАЙТЕ, ГРАФ, ВАС ЖДУТ ВЕЛИКИЕ ДЕЛА!

Соня, как всегда, забралась в кровать, уселась ему на грудь, обхватила крошечными горячими ладошками его лицо и во все горло распевала:

— Пап, вставай! Вставай, пап!

Он расплылся в улыбке и приоткрыл один глаз. Солнце заливало спальню. Остро пахло кофе. День обещал быть прекрасным. Над пушистой головкой дочки появилось лицо Аллы.

— Гера, правда, вставай. Хватит валяться. У тебя сегодня две операции, помнишь? Завтрак на столе, давай скорей, ну!

Было так хорошо, что он снова зажмурился. Но жена не унималась:

— Гера! Сафронов, вставай же! Пора вставать, Георгий Николаевич!

На секунду он подивился тому, каким неприятно-металлическим вдруг стал голос любимой женщины. А потом окончательно открыл глаза, морщась от скрипучего тембра бота Василия. Тот уже расставил на письменном столе френч-пресс, чашку и сахарницу и теперь нависал над начальником, монотонно повторяя:

— Просыпайтесь, Георгий Николаевич. Ну же!.. Вставайте, граф, вас ждут великие дела. Дети, в школу собирайтесь! Петушок пропел давно...

Никакого солнца, никакой спальни. За окном, конечно, было пасмурно, даже белый кафель на стенах казался серым, и так же уныло выглядел Васин темный полиэтиленовый халат, поскрипывающий при каждом движении. И уж совсем мрачно стало на душе от одного взгляда на мутно-белесое силиконовое лицо простенького медицинского бота, которому производители по умолчанию придали скорбное выражение, поскольку данная модель была изготовлена специально для работы в морге. И теперь эта вот сострадательная железяка монотонно бубнила какую-то чушь, вынуждая Сафронова

встать и войти в предстоящий день, несомненно, уже приготовивший очередную порцию отвратительных событий. Еще и шея болела из-за того, что ночь Георгий провел, как обычно, съжившись на узкой кабинетной кушетке. Он был сам себе противен — опять спал в одежде, чувствовал себя грязным, разбитым и заранее уставшим. В общем, ни малейшего желания начинать новый бессмысленный день он не испытывал, о чем недвусмысленно сообщил настырному Василию и даже подушкой швырнул. И опять было зажмурился, но тут Василий сказал нечто такое, отчего весь сон как рукой сняло, Сафронов резко сел на кушетке. Все тем же ровным голосом невозмутимый бот сообщил, что десять минут назад на одной из районных магистралей произошла крупная авария и в ближайшее время в морг доставят пять тел. Только метнувшись к столу и сделав первый глоток кофе, Сафронов что-то сообразил и повернулся к Василию. Ну, конечно! Точно! Зловредная консервная банка просто воспроизвела еще одну фразу, которую сам же Сафронов когда-то и закачал в ее память как беспроектный способ побудки. Можно было расслабиться, к тому же на часах было... Сколько было на часах?!

Проклятый Василий разбудил его на полтора часа позже назначенного! Ладно, хорошо, он сам в одиннадцать, практически не просыпаясь, перенес время на двенадцать тридцать, но это не оправдание, подлый бот мог бы... Дальнейшие умозаключения донесли до Василия уже из коридора, вместе с ругательствами и проклятиями. Хорошо воспитанные люди считали нормой современного этикета говорить ботам «спасибо» — и те были запрограммированы на ответ «пожалуйста». Но рядовой сотрудник морга патологоанатом Георгий Сафронов хорошо воспитанным человеком не был и становится в ближайшее время не планировал.

Да, уже сейчас становилось понятно, что день не заладился. Георгий не сразу вспомнил о воздушном змее, и уже от выхода пришлось нестись обратно и вытаскивать игрушку из-за дивана. А первое, что Сафронов увидел, путаясь в леерах громоздкого змея на бегу к машине, был, чтоб его, гаишный дрон-квадрокоптер. Мелкая тварь зависла над стареньким сафроновским драндулетом Bugatti Veyron лохматого 2019 года, который даже бот Василий не принял бы за достойное ретро, и отсняла куар-код номерного знака, нанесенный на крышу. И, хотя Георгий с нехарактерной для патологоанатома живостью попрыгал под дроном, размахивая змеем, и яростно поорал, что здесь работает и имеет полное право, на браслет через минуту пришло сообщение о штрафе за парковку в неподобающем месте.

Еще несколько минут отняла сплошная «красная волна» на каждом перекрестке. Это Сафронов хотя бы использовал с толком, чтобы побриться. Но на последнем голографическом стоп-сигнале настроение его испортилось окончательно. Сперва девица, скучавшая в левом ряду в роскошном электромобиле, сморщила носик, уловив вонючий бензиновый выхлоп. После чего одарила его жалкий Veugon, а заодно и самого Сафронова презрительным взглядом. Затем по пешеходному переходу неспешно двинулся бот-кинолог со сворой собак. И в тот самый момент, когда его питомцы оказались перед бампером Сафронова, справа у стоп-черты затормозил огромный грузовик. Псы перепугались, один зашелся в сумасшедшем лае, второй бросился вперед, третий назад, бот замер посреди перехода, стреноженный поводками. Сафронов в отчаянии перевел взгляд на грузовик и скрипнул зубами: на борту красовался огромный логотип компании Chronos. Алая голографическая преграда исчезла, тупой бот-кинолог по-прежнему маячил точно перед машиной Сафронова, а девица слева, не переставая красить губы, преспокойно рванула вперед, благо автопилот не требовал от нее никакого участия в управлении.

Все было против него. Сам этот проклятый мегаполис. Сафронов давно уже считал гигантский, никогда не спящий город своим личным врагом. Город манил обещаниями, но не сдерживал их и давал что-то только для того, чтобы потом отобрать с процентами. Пусть здесь было придумано, учтено и создано все, чтобы сделать жизнь максимально комфортной, жизни-то и не было, ее как будто высасывала бездушная безупречная реальность. Сафронова не восхищал зачаровывавший провинциалов размах, архитектурные чудеса столицы и практически ежедневные технологические новинки. Будущего словно не было, потому что оно мгновенно становилось настоящим. И в этом настоящем Сафронов чувствовал себя ничемным и лишним, порой остро мечтая перенестись в другое время, в умиротворенное прошлое, родиться в каком-нибудь тихом, невинном и спокойном веке — допустим, двадцатом... Или пусть даже в двадцать первом. Но пораньше. В первые десятилетия. Жили же люди и горя не знали...

Когда наконец Сафронов оказался там, где ему следовало быть не позже получаса назад, его уже буквально подташнивало от усталости и напряжения. Как будто день не начинался, а подходил к концу, тяжелый, изматывающий, примерно как после трех сложных опера-

ций. Ну, если бы он был оперирующим хирургом, конечно. Георгий сделал глубокий вдох и выдох (не помогло) и позвонил.

Дверь открыла Алла. Даже сейчас, спустя три года, повторялось одно и то же: стоило Сафронову увидеть бывшую жену, как у него обрывалось что-то внутри и он начинал вести себя совершенно не так, как собирался. Собирался-то он всякий раз быть спокойным, чуть ироничным и прохладным, а вместо этого выглядел нервозным, настороженным и раздраженным, как пубертатный подросток. Впрочем, дело, конечно, было не в нем, а в самой Алле. Никому больше так не удавалось вывести его из себя. Одной только интонацией, жестом или даже взглядом. Вот и сейчас она всего лишь с неуловимым осуждением пожала плечом, а Сафронов уже кинулся запальчиво объяснять, что опоздал не по своей вине, а из-за цепочки непредвиденных обстоятельств. Но Алла, не дослушав, просто протянула руку ладонью вверх и перебила:

— Ты принес?

Он молча протянул папку с разрешением на выезд для детей. Алла принялась с нарочитой сосредоточенностью читать, и Сафронов отвел от нее взгляд, чтобы как-то подавить растущее раздражение. Приходя в эту квартиру, он всегда чувствовал себя отвратительно — все здесь буквально кричало ему: «Смотри, жалкий лузер, ничего у тебя нет и никогда не будет!» Бывшая жена вполне имела право смотреть на него с презрением. Ну а кто он, если подумать? Все в своей жизни растерял и махнул на себя рукой, живет при районном морге, там же, где целыми днями возится с трупами, зарабатывает копейки, ездит на рухляди, давно не следит за собой, периодически крепко выпивает, никого не интересуется и выглядит именно тем, кем является — нищим неудачником. Может, когда-то он и был по-своему привлекательным, но давно уже никому таким не казался. Высокий, нескладный, лохматый, плохо одетый, с потухшим взглядом и вечной маской тоскливой мрачности на лице.

Зато Алла цвела. Тонкая, высокая, очень ухоженная, всегда безупречно и интересно одетая, обаятельная и изящная... Ей несложно оставаться такой — при богатом и успешном муже. Довольно скоро после развода она как-то ловко отхватила завидного жениха — пластического хирурга. Лев обожал и Аллу, и ее детей, баловал и обеспечивал весь возможный житейский комфорт. Прекрасный дом, лучшая школа для Егора, прислуга, поездки, отдых... Вот и сейчас они всей семьей собирались на месяц в Австралию — показать детям еще одну новую страну. Для этого нужно было разрешение их отца,

и уж хотя бы это ничтожный и бесполезный Сафронов для Егора и Сони мог сделать.

Как нарочно, именно в этот момент через гостиную прошел Лев, издали дружелюбно кивнул: «Привет, Георгий!» — и пришлось сдержанно поздороваться. Ничего плохого не было в этом человеке, доброжелательном, импозантном, прекрасно относившемся к его, Сафронова, детям, а с ним самим неизменно вежливым. Но как же остро хотелось при встрече с ходу дать ему в зубы! Или сломать нос... хотя для пластического хирурга это, наверное, проблемы не составит...

Сафронов поспешно перевел взгляд на Аллу, та как раз дочитала и подняла глаза на него, улыбнувшись едва ли не дружелюбно.

— Соня шапку выбирает, сейчас придет.

Сафронов нахмурился:

— А Егор?

— С друзьями прощается.

Сафронова снова бросило в жар от гнева:

— Мы же договорились, что дети сегодня со мной!

— Ему шестнадцать, я не могу ему ничего запретить. — Алла невозмутимо пожала плечами.

Бывшая жена явно не испытывала ни малейшего чувства вины, казалось даже, что она с трудом прячет некое злорадное удовольствие. Крыть было нечем. Егор давно уже не отвечал на звонки отца, не ответил и полчаса назад, когда Сафронов в очередной раз набрал номер сына из машины. Ссориться с как всегда победившей всухую Аллой не имело смысла. А спустя секунду судьба все-таки сжалилась, и Сафронов впервые за этот день испытал острое ощущение счастья, потому что выбежала наконец Соня, и бросилась обниматься, и прыгала вокруг, как веселый щеночек, и можно было обнять ее крепко-крепко, поцеловать в горячую щечку, почувствовать чудесный запах легких кудряшек... И так не хотелось отпускать это чувство, что он усилием воли отодвинул все остальное: паршивца-сына, явно избегавшего отца, торжествующую бывшую, ее образцового нового мужа, свидетеля очередного унижения поверженного соперника. Так что Сафронов просто взял свое самое лучшее на свете дитя за руку и почти выбежал за дверь.

Кстати, если бы он на секунду у этой двери задержался, то мог бы услышать любопытный диалог — как Лев озабоченно и почти с осуждением пеняет жене, что она до сих пор держит бывшего мужа

в неведении, а та нехотя отвечает, что непременно все расскажет при случае, просто позже.

Но ничего этого Сафронов не услышал. Он уже бежал вместе с Соней к машине и наслаждался изумлением любимой дочери, впервые в жизни увидевшей на заднем сиденье небывалое чудо — воздушного змея, у которого, вот странно-то, не было никакого пульта управления. Перед тем как сесть за руль, Георгий все-таки еще раз набрал сына, но телефон снова не отвечал. И отъезжая, Сафронов, конечно, не догадывался, что Егор прямо сейчас на него смотрит, причем весьма неприязненно, прячась за горкой на детской площадке во дворе...

Этот день все-таки подарил немного чистой радости. Они с дочкой поехали в парк, и Сафронов учил Соню запускать змея — так же, как когда-то учил ее старшего брата. Они носились по газонам, змей парил над ними, и Соня даже посрамила какого-то маленького снобенка, наверняка будущего пластического хирурга, важно управлявшего гигантским дроном, но резко захотевшего себе вот такое же... странное... яркое... простое и летающее вместе с ветром... И не было ничего прекраснее, чем самозабвенно хохочущая девчушка, бегущая, задрав лицо и вцепившись в леер, а потом так же самозабвенно пачкающая щеки и подбородок гигантским мороженым. Тут-то все и закончилась: жизнь с размаху нанесла Сафронову новый удар.

Георгий как раз обещал Соне, что они непременно снова будут запускать змея, только уже обязательно вместе с Егором, когда дети вернутся из Австралии. Но вдруг лицо дочери стало по-взрослому серьезным и грустным, и она тихонько сказала:

— Нет, пап, ничего не выйдет. Мы не вернемся.

В течение следующей минуты Сафронов, изо всех сил стараясь сохранять спокойствие и не пугать девочку, выяснил, что этой ночью его бывшая жена и дети уезжают вовсе не на месяц, а насовсем. Проклятому везунчику Льву представилась еще одна роскошная карьерная возможность — контракт в Австралии. И его уже ждут в престижной клинике, какая-то работа будет и у Аллы, для Егора готово место в школе, а для Сони — в детском саду. Сначала, ошеломленный предательством и обманом, Сафронов пытался просто ровно дышать. А затем в одну секунду принял решение. Эта... эта женщина, это зло в чистом виде своего не получит. Только через его, патологоанатома, труп, и никак иначе. Сама она может убираться куда угодно — и даже хорошо, если окажется как можно дальше. Но Соня — нет. То есть Соня и Егор. Соня и Егор — никогда.

Сафронов знал свой главный недостаток — губительную спонтанность, необдуманные эмоциональные реакции, вечно только все ухудшавшие. Нет уж, в этот раз на карту было поставлено то единственное, что у него еще осталось. Раз в кои веки нужно было действовать жестко и рационально. Например, найти хорошего адвоката. А также любой ценой не дать Алле возможность воплотить свой план. Козырь у него, к счастью, был. Чудесный маленький козырь в смешной шапочке, сосредоточенно поглощавший вторую порцию мороженого.

Так что Сафронов завез Сою к себе в морг и оставил смотреть мультики под присмотром Василия. Странное дело, он всегда относился к ботам как бытовой технике, удобной, нужной, но никаких эмоций по определению вызывать не способной. Но сейчас испытал настоящую благодарность к неодушевленному созданию из пластика и металла, оказавшемуся единственным, на кого можно было положиться, не ожидая никаких неприятных «человеческих» сюрпризов. Насчет работы Сафронов не беспокоился. В конце концов, Василий был запрограммирован на функции заместителя. Если случится форс-мажор и в отсутствие дежурного патологоанатома доставят тело, с помощью нескольких ботов-санитаров он все примет и оформит. Как принимал и оформлял уже неоднократно.

Так что уже через полчаса Сафронов звонил в дверь бывшей жены — и впервые за последние три года ощутил, что поменялся с ней местами. Контроль был у него, и ей выбора не оставалось. Поэтому он улыбнулся совершенно Аллиной утренней самодовольной улыбкой и ощутил странное удовольствие, увидев, как расширились ее глаза, едва он очень спокойно сказал:

— А ты не меняешься. Все так же действуешь за спиной.

Если бы Сафронов не был так потрясен, оскорблен и испуган, то в последующие двадцать минут, пожалуй, испытал бы колоссальное удовольствие, наблюдая за спектаклем неудачливой драматической актрисы. Бывшая жена вертелась, как уж на раскаленной сковороде, пытаясь найти верную тактику. То она задушевно клялась, что просто не хотела его огорчать и поэтому тянула до последнего. То патетически призывала подумать о том, что будет лучше для детей. То обещала, что Сафронов сможет приезжать к ним в любой момент (тут он не смог не посмеяться над этим беззастенчивым враньем, ведь знала же она, что он в жизни не найдет денег на такую поездку). Еще забавнее и противнее стало, когда к разговору присоединился благостный пластический хирург. Впрочем, Лев и двух примири-

тельных слов не успел сказать, как Алла окончательно сорвалась. Ух как она кричала. И ах какой восхитительно некрасивой стала в этот момент. Сафронов, твердо заявивший, что Соня остается с ним, какое-то время выслушивал обвинения в том, что украл собственного ребенка. И только когда эта змея выкрикнула голосовую команду набрать полицию, тоже повысил голос. Пожалуйста, пусть вызывает, он с удовольствием пообщается с полицией, и заодно они обсудят, как по месячному разрешению на турпоездку планировалось увезти его дочь навсегда. Вот тут-то она и замолчала. И, конечно, театрально схватила за горло. И, кажется, собралась рыдать, но эту часть спектакля Сафронов оставил Льву. И с наслаждением оглушительно хлопнул дверью. Он победил!

...Увы, от триумфа не осталось и следа уже в первые минуты разговора с адвокатом. Лощеная дама, благодаря голографической проекции возникшая прямо в машине Сафронова, могла бы показаться ботом, с таким равнодушием она одну за другом разрушала все надежды обманутого отца. По ее словам, последние действия Сафронова квалифицируются как похищение. Во всяком случае, именно так они будут выглядеть в зале суда. Так что единственный способ исправить ситуацию — действовать в рамках законодательства: вернуть девочку матери и лишь потом требовать пересмотра соглашения об опеке в установленном порядке. Вопли Сафронова о том, что этой же ночью Соню увезут на другой континент и он ее никогда больше не увидит, действия не возымели. Если он заупрямится, то, вероятнее всего, просто лишится родительских прав. Охваченный яростью и отчаянием, Сафронов отключил связь и скорчился на водительском сиденье. Более ужасного дня он не переживал. Если не считать того, давнего, когда в одночасье лишился всей своей прежней жизни.

Ничего не оставалось. Нужно было как-то собраться и продержаться еще немного. Ему потребовались все силы, чтобы с улыбкой войти в кабинет, где Соня увлеченно смотрела какой-то фильм. И эта приклеенная намертво улыбка действительно обманула чудесную его девочку, тут же бросившуюся рассказывать о том, какую потрясающую передачу нашел Вася об Австралии, каких-то ядовитых пауках и растениях. И у Георгия даже получилось очень спокойно сказать, что пора ехать домой, потому что мама уже волнуется. И взяла дочку за руку, чтобы, может быть, в последний раз в жизни идти с ней вдвоем по коридору. В опустевшем кабинете Василий выключил фильм, и на мониторе появилась заставка: счастливая

мордашка Сони, уже три года помогавшая своему папе справляться с каждым новым днем.

Выйдя на крыльцо, Сафронов остановился и глубоко вдохнул осенний воздух. А потом повел Соню к машине, слушая ее веселую болтовню, и стиснул зубы, когда она жалобно сказала:

— Папочка, а если я не хочу уезжать?

Нужно было что-то ответить, Сафронов растерянно огляделся — и замер. У заднего входа в морг стояла «Скорая помощь», из которой медботы уже выгрузили тело в пластиковом мешке и повезли на носилках по эстакаде. Следом шел хорошо знакомый Сафронову фельдшер Вадим. Нужно было вернуться.

— Сонечка, можешь пять минут меня здесь подождать? Только прямо здесь, не отходи никуда! Это по работе, я сейчас!

Выпустив наконец руку дочери, Сафронов быстрым шагом направился в морг. Его не оставляло неприятное предчувствие, что этот кошмарный день еще не исчерпал свои сюрпризы.

Глава вторая

СПЯЩАЯ КРАСАВИЦА. ПРОБУЖДЕНИЕ

Вик Торопов обожал выступать на публике, и публика всегда платила ему взаимностью. И не только публика. Камера любила Торопова еще больше. И на экране, и в голопроекции Вик выглядел намного лучше, чем в реальности. Это притом, что и в жизни он был неизменно хорош собой. Представительный, сильный, безупречно элегантный, обладающий красивейший глубоким тембром, естественный и обаятельный. Вот и сейчас Торопов точно знал, что без труда получит все зрительские симпатии на популярнейшем ток-шоу, посвященном действительно непростой проблеме. Семейку героев нашли — загляденье. Страдалица-супруга застала мужа-тюфяка в постели с фемботом. И теперь виджей Макс и приглашенные эксперты судили и рядили, считать ли случившееся изменой. Вик сидел, свободно откинувшись на спинку кресла и поигрывая запонкой. Происходящее его безмерно забавляло. Противником Торопова был депутат Госдумы и лидер одиозного движения «Живые» Святослав Иванников. Он с постной миной развивал излюбленную теорию о гибели общества, о неминуемом наступлении времен Содома и Гоморры из-за исчадий современной робототехники. Ма-